Пламя

Автор:
Леонард Коэн

Пламя

Леонард Коэн

Литературные хиты. Poetry

«Пламя» – последняя работа Леонарда Коэна. Несколько поколений по всему миру выросло, слушая его альбомы. «Пламя» – это возможность узнать о самых сокровенных мыслях и чувствах поэта и музыканта, которого не стало в 2016 году. Эта книга стала итогом его жизни, прожитой остроумно и с размахом, она стала своего рода прощанием.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Леонард Коэн

Пламя

© Немцов М., перевод на русский язык, 2020

© Нугатов В., перевод на русский язык, 2020

© Сен-Сеньков А., перевод на русский язык, 2020

© Мартынова Ш., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Предисловие

Перевод М. Немцова

В томике этом – последние поэтические произведения моего отца. Жаль, что он не увидел результата, – дело не в том, что в его руках эта книга стала бы лучше, воплощенней, щедрее и изящнее или точнее напоминала бы его самого и ту форму, какую он замыслил для этого подношения своим читателям, – а из-за того, что он оставался жить для того, чтобы ее сделать: в конце она была его единственной причиной дышать. В то трудное время, пока ее составлял, он рассылал электронные письма «не беспокоить» тем немногим из нас, кто регулярно к нему заглядывал. Он возобновил свою приверженность строгой практике медитации для того, чтобы сосредоточить ум вопреки острой боли множества компрессионных переломов и слабости его тела. Часто говорил мне, что во всех стратегиях искусства и житья, какие он применял в своей богатой и сложной жизни, жалел об одном: что не был крепче верен признанию того, что писать – единственное его утешение, его истиннейшая цель в жизни.

Прежде всего прочего отец мой был поэтом. Он относился к своему призванию, как сам записывает это в блокнотах, как к некоему «заданию Б-га». (Дефис здесь указывает на его почтение к божеству, его нежелание писать божественное имя даже по-английски – это старый еврейский обычай и еще одно свидетельство той верности, какую он примешивал к своей свободе.) «Религия, учителя, женщины, наркотики, дорога, слава, деньги… ничто не приносит мне такого кайфа и не предлагает такой передышки от мук, как чернение страниц, как письмо». Этот манифест утверждал еще и сожаленье: Леонард предлагал свою литературную жертву как объяснение тому, что, как ему казалось, было скверным отцовством, неудавшимися отношениями и небрежностью к финансам и здоровью. На память мне приходит одна из его менее известных песен (и одна из моих любимейших): «Я многое забросил – шел вдаль за красотой»[1 - Пер. Шаши Мартыновой. – Здесь и далее примечания переводчиков.]. Но, видимо, не

слишком далеко: по его мнению, забросил он недостаточно. И он знал: эта книга должна была стать его последним даром.

В детстве, если я просил у папы денег на сласти из лавки на углу, он частенько советовал мне пошарить по карманам его спортивного пиджака, не завалялись ли в нем купюры или мелочь. Забравшись туда, я неизменно находил какой-нибудь блокнот. Когда, повзрослев, спрашивал, нет ли у него зажигалки или спичек, я выдвигал ящики стола и обнаруживал там тетрадки и записные книжки. Однажды я поинтересовался, нет ли у него текилы, и меня отправили к холодильнику, где я нашел обындевевший забытый блокнот. И впрямь – если кто-то знал моего отца, знал он (среди множества другого чудесного) человека с бумагами, тетрадками и коктейльными салфетками – все исписаны его узнаваемым почерком, – разбросанными (опрятно) повсюду. Они возникали из гостиничных тумбочек или из магазинчиков, где всё по 99 центов; теми, что были позолочены, переплетены в кожу, причудливы или как-то иначе важно выглядели, не пользовались никогда. Отец мой предпочитал сосуды поскромнее. К началу 1990-х годов целые складские шкафчики уже были наполнены коробками с его блокнотами – и в блокнотах этих содержалась целая жизнь, посвященная тому, что превыше прочего определяло этого человека. Писать было его причиной жить. То был огонь, который он поддерживал, самое значительное пламя, что он подкармливал. Оно так и не погасло.

Есть множество тем и слов, повторяющихся в произведениях моего отца: замерзший, сломанный, нагой, пламя и огонь. На задней стороне конверта первого альбома (эту фразу он вставил в более позднюю песню) – «шел по пятам огонь за Жанной д’Арк». «Кто у огня?» – как известно, спрашивал он в песне о судьбе, где изощренно использована еврейская молитва. «Зеленую тонкую свечку поднес я под ревность твою»[2 - Пер. Шаши Мартыновой.]. Та свеча была лишь первой из множества растепленных. Во всех его произведениях есть огни и языки пламени, для творенья и разрушенья, для жара и света, для жажды и ее утоления. Он возжигал огни и прилежно их поддерживал. Он изучал и записывал их последствия. Его бодрила их опасность – он часто говорил о том, что в искусстве других недостаточно «опасности», и восхвалял «восторг мысли, что горит в огне».

Эта его увлеченность огнем длилась до самого конца. «Хочешь темнее – пламя убьем», – произносил он в своем последнем альбоме, прощальном. Умер он 7 ноября 2016 года. Теперь все ощущается темнее, но пламя не убито. Каждая страница, что он зачернил, – неугасающее свидетельство горящей души.

Эдам Коэн, февраль 2018 года

Заметка редакторов

Перевод М. Немцова

В последние месяцы жизни, невзирая на несколько физических ограничений, Леонард Коэн подбирал тексты для того, что станет последним томиком его поэзии. «Пламя» представляет эту работу в том формате, какой, полагают его редакторы профессора Роберт Фэгген и Александра Плешояно и его давний канадский издатель, отражает намерения Леонарда на основе той рукописи, что он составил, и в качестве руководства пользуясь теми стилистическими предпочтениями, какие он выражал в предыдущих книгах. Роберт Фэгген начал этот проект в тесном сотрудничестве с Леонардом, а Александра Плешояно присоединилась, чтобы помочь и довести редактуру до конца, в апреле 2017 года. Название предложил сын Леонарда Эдам Коэн.

Леонард предоставил ясные указания, как обустроить эту книгу: она должна была содержать письменные работы и щедрую россыпь его рисунков и автопортретов. Он представлял себе три раздела. В первом – шестьдесят три стихотворения, которые Леонард тщательно выбрал из сокровищницы неопубликованных произведений, которой не один десяток лет. Известно, что Леонард годами работал над своими стихами – иногда десятилетиями, – прежде чем они оказывались опубликованными; эти шестьдесят три стихотворения он считал произведениями законченными.

Второй раздел содержит те стихи, что стали песнями в последних четырех его альбомах. Все тексты песен Леонарда начинались как стихи, и потому их можно расценивать как полноправные стихотворения в большей мере, нежели у большинства авторов песен. Стоит отметить, что некоторые тексты Леонард перед выходом альбома, в который песни эти были включены, публиковал в журнале «Нью-Йоркер». В последнее время это касалось «Правь свой путь», а ранее – «Улицы», «Почти как блюз» и «Домой». Представляя здесь тексты песен

с альбома Анжанэ Томас «Синий код» (2006), спродюсированного Леонардом, и с собственных его пластинок «Старые замыслы» (2012), «Ходовые хлопоты» (2014) и «Хочешь темнее» (2016), мы следовали тому форматированию, каким Леонард пользовался в книге избранных стихов и песен «Музыка чужака» (1993), куда было включено множество текстов песен. Внимательные читатели отметят различия между тем, как стихи эти напечатаны в «Пламени», и тем, как они представлены на альбомах.

Третий раздел книги представляет собой выборку записей из блокнотов Леонарда, которые он вел с ранней юности до последнего дня своей жизни. Расшифровкой более трех тысяч страниц блокнотов, охватывающих шесть десятков лет, заведовал Роберт Фэгген. Хоть Леонард и участвовал в отборе заметок из записных книжек для «Пламени», окончательного их порядка он так и не обозначил. Проблематично было бы – если и вовсе не невозможно – блюсти хронологический порядок, потому что Леонард зачастую писал в одних и тех же блокнотах по многу лет, внося разные записи чернилами разных цветов. Он нумеровал свои записные книжки согласно системе, которую мы не понимаем. При всем при этом мы предпочли следовать порядку записных книжек по их нумерации, пусть порядок этот и не везде хронологический. В выборке этих заметок из записных книжек присутствует россыпь куплетов и строк – то, что Леонард однажды назвал «клочками», – и читателям, знакомым с произведениями Леонарда, зачастую будут попадаться записи, с виду похожие на рабочие черновики стихов и текстов песен. Никаких попыток слепить определенное повествование из этих записных книжек не делалось, и записи воспроизведены здесь как можно ближе к тому, как они выглядят в самих блокнотах: мы не делали никаких попыток менять пунктуацию или разбивку на строки. При транскрипции заметок из записных книжек мы соблюдали определенные условности, поэтому при воспроизведении этих заметок употребляются следующие символы: {} обозначают слово или фразу, написанные выше или ниже строки, [?] указывает на неразборчивое слово или фразу, а * * * отмечает отбивку между записями в блокноте.

Помимо этих трех разделов книги, Леонард хотел опубликовать свою благодарственную речь при награждении его Премией принца Астурийского в Испании 21 октября 2011 года. Также мы включили в эту книгу – благодаря любезности Питера Скотта, друга и коллеги Леонарда, – одно из последних электронных писем его, отправленных меньше чем за сутки до его кончины.

Леонард предлагал напечатать некоторые его автопортреты и рисунки – эту практику он начал в «Книге томления» (2006). Поскольку возможности рассортировать этот материал у самого Леонарда не было, Александра Плешояно выбрала из всего корпуса его художественных работ почти семьдесят автопортретов вместе с двадцатью четырьмя рисунками. Также Леонард согласился на то, чтобы мы воспроизвели некоторые страницы его блокнотов как иллюстрации: в книгу включены двадцать таких изображений.

Наконец, несколько замечаний об отдельных стихотворениях. «Полная занятость» – по сути, более длинный вариант стихотворения «Б-г желает свою песнь». Также следует отметить сходство между стихотворениями «Удачный вечер» и «Много пил». «Откат волны» был выпущен как песня на альбоме Леонарда «Дорогая Хизер» (2004). Стихотворение «Никогда не бедокурил» также вышло как песня на концертном альбоме Леонарда «Не могу забыть: воспоминание о Большом Турне» (2015). Стихотворения «Улица» и «Спасибо за танец» в несколько отличных вариантах представлены как тексты песен во второй части книги. Те, кто знаком с веб-сайтом «Досье Леонарда Коэна», которым занимается Яркко Арьятсало, узнают несколько стихотворений, автопортретов и рисунков, которые размещены там с разрешения Леонарда.

Роберт Фэгген и Александра Плешояно, июль 2018 года

Стихи

Бывает у сердец

Перевод М. Немцова

Я стихи работал честно

Но искусством их не звал

С Иисусом мне уныло

Да и Маркса я читал

Пламя гаснуть не просил я

Искра – ярче под конец

Так ступай скажи мессии

Как бывает у сердец

Дымка летних поцелуев

Где второй я занял ряд

Женщины за все в ответе

Где соперники бузят

Дело, в общем, пустяково

Но оставило рубец

И пришел я вновь проверить

Как бывает у сердец

Одевался я шикарно

Ставил цену просфоре

У меня на кухне киска

И пантера во дворе

Мне в застенке одаренных

Дружбу предлагал стрелец

Чтоб не нужно было знать мне

Как бывает у сердец

Следовало все предвидеть —

Словно карту звезд я знал

И не стоило глядеть мне

Первый взгляд – уже пропал

Парой были мы что надо

Но уж лучше без колец

Некрасиво, неизящно

Как бывает у сердец

Ангел обзавелся скрипкой

А на лире – черт игрун

Души – мелкая рыбешка

И акула – каждый ум

Я открыл все окна в доме

Да темно, темно везде

Просто сдайся – станет проще

Что бывает у сердец

Свою честную работу

Я искусством не считал —

Там рабы уже трудились

Жар певцов жал и сжирал

Правосудие прогнулось

И калеки прут в нужде

Все спустил я, защищая

Что бывает у сердец

Я учился вместе с нищим

Ему драли кожу с плеч

Когти очень многих женщин

Кем не смог он пренебречь

Нет урока, нет морали

Не поет в листве скворец

Нищий лишь благословляет

Что бывает у сердец

Я всегда работал честно

Но искусством не считал

То, что мог поднять, не тужась

Профбилет свой потерял

Из отцовского обреза

С детства я умел стрелять

Мы сражались за идею

Не за право восставать

Пламя гаснуть не просил я

Искра – ярче под конец

Так ступай скажи мессии

Как бывает у сердец

24 июня 2016 года

Люблю

Перевод М. Немцова

Люблю тебя я, Мэри

Как словом не сказать

А если б мог сказать я

Нас бы пришли вязать

Арестовали нас бы

И выбросили ключ

Мир нас не любит, Мэри

Он мстителен и злющ

У нас минутка, Мэри

А после нам – кранты

40 секунд от силы

Так мало, знаешь ты

30 секунд, малышка

Осталось нам любить

Услышат, как смеемся мы

И нас примчатся бить

Люблю тебя я, Мэри

Как словом не сказать

А если б и сказал я

Пришли бы нас вязать

Нас заперли бы в карцер

И выбросили ключ

Мир нас не любит, Мэри

Он мерзок и колюч

Каре ягненка

Перевод М. Немцова

вспоминаю каре ягненка

на днях у Мойши

все мы вкусные друг для друга

всякая плоть съедобна

даже рептилии и насекомые

даже ядовитый норвежский лютефиск

зарытый в землю за тысячу лет перед подачей

даже ядовитую японскую рыбу фугу

можно приготовить так

чтобы гарантировать разумный риск

за столом

я слышал по радио

счастливый кролик на кроличьей ферме

крольчихе-экстрасенсу

не грусти

здесь классно

все такие добрые

мы не одни такие

сказал кролик

успокаивая ее

всех нас захавают

как сказал кролик

крольчихе-экстрасенсу

2006

Поздно менять

Перевод М. Немцова

Поздно менять

Свой взгляд в былом

Ушел в тираж

Мой милый том

Поздно стыдить

Им нипочем:

Игра людей

С нагим огнем

Поздно на меч

Себя бросать

Сейчас ведь год

20—05

Не важно, чем

Накрыт мне стол

Ты опоздал

Мой милый том

Весь смысл стихов

Не в болтовне

Они – о них

Не обо мне

Я не знал

Перевод М. Немцова

Я знаю, что я слаб

Я знаю – ты сильна

И мне не место здесь

Колена преклонять

А если б я рукой

Твою красу мог взять

Пошли бы кровь и гной

Могу это понять

Колени развела

Сиротство показав

И сорвалось с цепей

То сердце без родства

Ты, от натуги ослабев

На душу мне легла

Отверг ум душу, но с тобой

Будет она цела

Чтобы я мог твою красу

Любить издалека

Пока в мой безразличный мир

Не вступишь ты, близка

Порой так одиноко

Что рушить не с руки

На баш тебя я б обменял

Весь свой запас тоски

Ведь я не знал

Не знал

Не знал

Как нужен я тебе

Я так больше не могу

Перевод М. Немцова

О плод мира, нас венчали

вовсе не на кожуре

в нас швыряли не лузгу

я так больше не могу

должен быть предел у жирных

и надежда, чтобы нищий

жил себе, ей-ей, не лгу

я так больше не могу

сколько врак у них про Б-га

гнут и гонят на бегу

всяк – хозяин на торгу

я так больше не могу

Откат волны

Перевод Шаши Мартыновой и М. Немцова

Я выплыл в отлив

Ночь была без луны

И знаки на небе

Совсем не ясны

Там меня поджидал

Откат волны

Швырнул на песок

Что морю чужой

С дитем на руках

И со стылой душой

И с сердцем моим

В форме плошки пустой

В редких случаях

Перевод В. Нугатова

В редких случаях

меня наделяли способностью

гнать волны эмоций

по всему миру.

Это объективные события,

на которыми я был не властен.

Я поднялся на открытую сцену,

когда солнце только садилось за Башней Толидо,

и меня не отпускали

до полуночи.

Все мы,

музыканты и публика,

растеклись в благодарности.

Не было ничего, кроме

звездной темноты,

запаха скошенного сена,

и ветер поглаживал

каждого по лбу.

Я даже мелодии не помню.

Все шептали вокруг в унисон,

а я ничего не понимал.

Уходя со сцены,

спросил импресарио,

что они там говорили.

Он сказал, что они скандировали:

то-ре-ро, то-ре-ро.

В отель меня отвезла молодая девушка,

краса всей нации.

Все окна были опущены.

Поездка без сучка и задоринки.

Я не чувствовал дороги

и притяженья конечного пункта.

Мы не разговаривали,

и не могло быть и речи,

чтобы она зашла в фойе

или поднялась в мой номер.

Лишь недавно

вспомнил эту давнюю езду,

и с тех пор

хочется быть невесомым,

да никогда не выходит.

Мой адвокат

Перевод М. Немцова

Мой адвокат говорит, не волнуйся

Мол, революцию сгубила наркота

Подводит к окну пентхауса

Рассказывает о планах

Подделать луну

1978

Не взломать мне код

Перевод Шаши Мартыновой и М. Немцова

Не взломать мне код

Льда нашей любви

Поздно понимать

Какой тут был пароль

К былому тянусь

И достану вот-вот

Но мне всё вокруг

Как последний оплот

Квиты мы во всем

Что там вспоминать

Но слышу я посулы

Тебе свои опять

Растранжирили мы

Свою правду почти

Но мы стелем постель

Подметаем полы

Если мир фальшив

Этот мир – не мой

Если кликнет тьма —

Двинусь за тобой

В пору срамоты

В страшную Беду

Позовут тебя —

Я с тобой уйду

Я гляжу на флаг

Перевод М. Немцова

Я гляжу на флаг

На сердце руку положил весь строй

Ах вот бы победить еще

В какой-нибудь из наших войн

Удачный вечер!!!!! Воскресенье, 7 марта 2004 года

Перевод М. Немцова

Скажем, в тот удачный вечер

я знал, что дом в порядке

и смог незримо ускользнуть

хоть и горел желаньем

По тайной лестнице сбежав

в лесу я оказался

хоть ночь темна, спокоен я

дом у меня в порядке

Удача или мастерство —

никто меня не видел

слепа и скрытна эта ночь

маяк мне – только сердце

И бакен этот на мой путь

вернее солнца светит

там ждет меня Она Одна

из всех, кто есть на свете

А ночь затем велит мне встать —

ее уже раздела

и тем, кем стал Адам, Ей стать

как Еве до раздела

Чтоб Ей сумел я показать

что для Нее таится

то, что оставила Любовь

прежде, чем мир родится

Ее сосцы в руке Моей

ее персты – Мне чудо

лес возопил, из мертвых встав

и аромат повсюду

А кроткий ветер со стены

в сговорчивом тумане

разит меня у губ Ее

и Нас так нежно ранит

И привязавшись, сдавшись Ей —

влюбленной и Любови

мы тонем лилиями с Ней

всегда и вечно внове

Грозится нас убить он

Перевод М. Немцова

грозится нас убить он

так часто и так чисто

скажи, что его любишь

и он чуть-чуть смягчится

давай слегка помедлим

давай придем позднее

враг набирает силу

пусть станет он сильнее

Роси сказал

Перевод М. Немцова

1.

Роси сказал:

Дзикан-сан, ты должен кое-что знать

да, Роси

ты худший мой ученик за все время

2.

Я исчез лет на десять.

Когда вернулся в Лос-Анджелес,

Роси пригласил на ужин.

После ужина он захотел остаться со мной наедине.

Роси сказал:

Когда ты уехал, половина меня умерла.

Я сказал:

Не верю.

Роси сказал:

Хороший ответ.

3.

Во время сексуального скандала с Роси (ему было уже 105)

в газетных репортажах часто упоминалось

о моей связи с ним.

Роси сказал:

Я доставляю тебе кучу хлопот.

Я сказал:

Да, Роси, ты доставляешь мне кучу хлопот.

Роси сказал:

Я должен умереть.

Я сказал:

Не поможет.

Роси не рассмеялся.

Если б не было картин

Перевод В. Нугатова

Если б не было в мире картин,

Мои были бы очень важны.

С песнями та же беда.

Раз уж это не так, поскорей станем в ряд,

Где-нибудь поближе к концу.

Порой я видел, как пошлым техницветом

Унижали женщину в журнале.

Я пытался ее воссоздать

В лучшей обстановке.

Порой мужчина.

Порой мне позировали живые люди.

Можно им повторить?

Спасибо, что пришли.

Еще обожал на столе предметы —

Подсвечники, там, или пепельницы,

Да и сам стол.

С зеркала на бюро

Спозаранку

Срисовал

Сотни автопортретов,

Напоминавших о том да сем.

Куратор назвал эту выставку

«Рисунки словами».

А я называю свои работы

«Годные украшения».

15 января 2007 года, кафе на Сицилии

Перевод М. Немцова

На коленях стою

Своих лет на краю

Дай мне в зеркало страсти упасть

А все, что я знал

Прочь уносит пусть шквал

В горнем свете мне жизнь свою прясть

Не найду я в нем тень

Но есть ночь, но есть день

И в объятиях – истины дрожь

Там есть то, что утратишь

И то, что найдешь

Что напишешь, а что и сотрешь

И тогда мое сердце вскроется

И хлынет любви океан

В несказанную схему страдания

Где давно уничтожен сам план

Оставшись

Перевод В. Нугатова

Оставшись без Сахары

я осмотрелся в комнате

и высмотрел ее сумочку

у ножки стула

просмотрел все записи

карандашом для бровей

в маленьком блокноте

нашел те самые стихи

что вы сейчас прочтете —

буквы размазались

но вот слово в слово:

«Выпрямись, маленький воин, – кончались они, —

ты не растратил жизнь понапрасну

на любовь ко мне».

Масштабы любви

Перевод В. Нугатова

Слышу порой как ты резко встанешь

и развернувшись

идешь ко мне

слышу будто бы шорох

Сердце скачет навстречу тебе

в воздухе

чтоб отвезти домой

и снова долго жить вместе

Потом вспоминаю

о непреодолимых масштабах любви

и готовлюсь к последствиям

воспоминаний и грусти

но воспоминания с перечнем лет

вежливо отворачиваются

а грусть как теленок

опускается на колени

в солому изумления

и на минуту пока еще

твоя смерть жива

мы отдыхаем

в вечных объятьях друг друга

Полная занятость

Посвящается В. Р. (1978–2000)

Перевод М. Немцова

Ванесса позвонила

аж из Торонто.

Сказала, что я

могу на нее полагаться,

если узнаю, почем фунт лиха.

Повесив трубку,

я поиграл

на свирели с шестью отверстиями,

которую она мне вручила

по случаю нашей разлуки.

Я ощупью понял пальцовку

и играл лучше,

чем когда бы то ни было.

Из глаз у меня лились слезы

из-за звучания

и воспоминания

о ее необычайной красе,

какой никому не избегнуть,

и потому что она сказала,

что песня пропала,

а меня избрали

из всех безработных,

меня выбрали

ее вернуть.

Тебя вижу я в окнах

открытых – смотри:

ничего нет за ними

ничего нет внутри.

Ты снимаешь сандалии

гривой бурю устрой,

опала краса твоя

износилась листвой

Письмо запечатано,

дописана повесть.

Ты вручила мне лилию —

а теперь это поле.

Слышу машины

Перевод М. Немцова

Слышу машины

Их шум презрен

Люблю свой кофе

Люблю Шармен

И в этот день

Взлететь, опасть

Начать и кончить

Не украсть

Люблю Шармен

Пусть я дурак

Она не против

Она добра

Взгляд ее сед

Но коль я гад

Позеленеет

Ее взгляд

26 февраля 2000 года

В честь Моренте[3 - Энрике Моренте (1942–2010) – испанский певец, исполнитель канте фламенко.]

Перевод В. Нугатова

Когда слушаю Моренте

Знаю что должен делать

Когда слушаю Моренте

Не знаю что делать

Когда слушаю Моренте

Жизнь моя так мелеет

Что уже не поплаваешь

Копаю но не спускаюсь

Тянусь но не поднимаюсь

Когда слушаю Моренте

Знаю что изменил

Торжественной клятве

Той самой что оправдала

Мои все измены

Когда слушаю Моренте

Отвергается алиби моей гортани

Ниспровергается алиби моего дара

Шестью безупречными ниточками насмешки

Отворачивается моя гитара

И хочется все отдать

Но кому это нужно

Когда слушаю Моренте

Сдаюсь своей слабой фантазии

Тоже давным-давно сдавшейся

Великому Голосу Харчевен

Семей и Холмов

Когда слушаю Моренте

Я смирён но не унижен

Теперь выхожу с ним

Из темноты которой не смог стать

В темноту песни которую не смог спеть

Песни что жаждет землетрясения

Песни что жаждет религии

Слышу затем как он начинает великий подъем

Слышу Аллилуйю Моренте

Его громовую убийственно-благостную Аллилуйю

Слышу как она восходит к невозможной случайности

И пронзает привычные двусмысленности

Заостренными рогами

Его непостижимых двусмысленностей

Его крик совершенное слово восставшее против

Потрясенных сердечных противоречий

Борется с ними и обнимает их

Душит в ревнивой супружеской безысходности

И он вешает его под собственным голосом

Над всеми разрушенными потолками

Разочарованным небом

Его голос вырвался из тины надежды

Крови гортани

И строгого обучения канте

И он его вешает

Царство Моренте

Куда он входит не как Моренте

А как великий безличный помазанный Голос

Харчевен Семей и Холмов

И нас уводит туда

За окровавленный палец за горло засаленный лацкан

Уводит остатки нас

В свое Царство

Царство Бедности что он основал сам

Лишь туда мы хотим

И хотели всегда

Там мы можем дышать воздухом детства

Нерожденным воздухом

Там мы наконец-то никто

Там нельзя обойтись без него

Слава Энрике Моренте

Слава Семье Моренте

Танцорам певцам

Апостолам Харчевен Семей и Холмов

В честь Розенгартена[4 - Мортон Розенгартен (р. 1933) – канадский скульптор, вместе с Л. Коэном открывший в Монреале «Четырехгрошовую галерею».]

Перевод В. Нугатова

Если у тебя есть стена, голая стена в доме

В моем доме все стены голые

И я обожаю голые стены

Разве что я бы повесил

На одну из своих обожаемых голых стен

Не обожаемых

Ей не нужно быть обожаемой

Ей не нужны прилагательные

Стена хороша и так

Но я бы повесил Розенгартена

Из деревянного

Гребня с чернилами

Вечно уходящего в никуда в вихре неизгладимых параллельных кривых

Буква или женщина?

Еще одна безупречная поразительная черная буква в слове

Средь сотен слов

В непрерывной эпопее Розенгартена прославляющей

Священную и неослабную тягу рода людского к себе подобным

Твое сердце как белая бумага

На которой аккуратно разбрызгана женщина

Она нужна им обоим чтобы стать важными

Будь у тебя огромная белая стена

И ты бы повесил сотни его властных женщин в ряд

Тебе не пришлось бы долго изучать

Каллиграфию

Чтобы понять и простить себя

За то что так часто влюбляешься

И побеждаешь в нашей загадочной и лучезарной гонке

И так прекратились бы любые дурацкие споры

О красоте

В которые тебя втягивали

То же самое с мебелью

У меня есть пара деревянных столов

Купленных за песню давным-давно

Я полировал их годами

И не хочу ничего на них ставить

Кроме локтей тарелки стакана

Но на одном у меня Розенгартен

Ведь Розенгартен славит дерево на котором стоит

Ведь сделан он с той же мыслью

Что и стол сотню лет назад

Мыслью о чести, умении, скромности

Что терпеливо проявляет себя в невыразимо

Полезном изделии

Тебе пришлось бы пожить с Розенгартеном

Чтобы понять, как он полезен

Полезен как стол и стена

Как он обслуживает твою беспомощность

Помещает в комнату твою «пропащую жизнь»

Ты забыл об исследовании

Так и в великой поэме у Розенгартена

Ни единого лишнего слова

Ни единого лишнего тома

Ни жеста, ни образа, ни подмига

Что напрашиваются на комплимент

Он такой как есть

Уважает традицию, к которой восходит

Но от нее не зависит

Стоит в окружении комнаты

Ежесекундно заводя

Новую тревожащую оригинальную дружбу со светом и воздухом

В которой так глубоко нуждается комната

Чтоб орошать и освежать твою борьбу

Если у тебя есть сад или пашня

И ты хочешь чтобы они процветали

Расставь там побольше Розенгартенов

Его огромных властных Ашер

Обтекаемых женских фигур

Что искали мужчины и женщины и поклонялись им

На «высоких местах» в Библии

И по-прежнему поклоняются

Пока мы идем рука об руку

Сквозь запутанную и обшарпанную маловажность

Официальной своей исправленной публики и частной обыденной жизни

И вот вдруг Она:

Рожденная целиком из себя

Убедительная и услужливая

Рывок гладкой энергии не рассекающей воздух

А смягчающей и мягко {легко?} воспламеняющей

Вознесенный на простой каменной лестнице

Которая сама по себе – шедевр восходящей гармонии

Вознесенный к загадке красоты

Которую никто не отважится объяснить

Вознесенный по тайным причинам

Которые известны каждому

Вознесенный в привычных горестных обстоятельствах

И глубокой внутренней уверенности в совершенстве

И теперь твоему саду

Больше не о чем напоминать

Всегда думаю какую песню

Перевод В. Нугатова

Всегда думаю какую песню

Спеть Анджани

Она будет о нашей жизни вдвоем

Она будет очень легкой или очень глубокой

Но только не чем-то средним

Я напишу слова

Анджани мелодию

Я не смогу ее петь

Ведь она поднимется чересчур высоко

Анджани будет петь прекрасно

И я буду исправлять ее пение

А она исправлять мой текст

Пока песня не станет прекрасной как никогда

Потом мы будем слушать ее

Нечасто

Не всегда вместе

Но изредка

Всю оставшуюся жизнь

Стихотворение Роси[5 - Кёдзан Дзёсю Сасаки (1907–2014) – японский учитель (роси) дзенской школы риндзай-сю, основатель и настоятель центра дзен на Лысой горе (Mount Baldy Zen Center) в Калифорнии.]

Перевод Леонарда Коэна

Когда б ни услышал

Округлый звук я

В глубокой ночи

О Мать!

Найду тебя вновь.

Когда б ни стоял я

Под светом

Гладких небес

О Отец!

Главу я склоню.

Спускается солнце

Наши тени плывут

Темнеют сосны

О Милая!

Пора нам домой.

Канье Уэст не Пикассо

Перевод В. Нугатова

Канье Уэст не Пикассо

Пикассо это я

Канье Уэст не Эдисон

Эдисон это я

Тесла это я

Джей-Зи не Дилан чего-то там

Дилан всего это я

Я Канье Уэст Канье Уэста

Канье Уэст

Великого фуфлового перехода дерьмовой культурки

Из одного бутика в другой

Я Тесла

Его катушка

Что произвела электричество мягкое как постель

Я Канье Уэст каким считает себя Канье Уэст

Когда сталкивает твою жопу со сцены

Я подлинный Канье Уэст

Больше особо не тусуюсь

Никогда так не делал

Просто возвращаюсь живым с войны

Которой у нас еще не было

Монреаль, 2015

Старые друзья

Перевод Перевод А. Сен-Сенькова

Старик говорит другу (по телефону), что собирается в молельню вечером. Это разрушающаяся молельня во враждебном черном районе Лос-Анджелеса. Нет даже половины миньяна (необходимых десяти человек). Прихожане стары, молитвы читаются плохо, сквозняки, само это место наполнено убожеством и люмбаго. Старик приглашает друга посмеяться вместе с ним над крушением неудавшегося духовного приключения, приключения, на которое они оба когда-то имели большие виды. Но его друг не смеется. Друг становится одновременно Нахманидом, Бодхидхармой и Святым Павлом в религиозном наставлении. «Тебе не следовало говорить мне, что ты собрался в молельню. Ты теряешь благочестие. Остался бы в выигрыше, если бы промолчал». Что? Благочестие? Молчание? С кем вообще говорит этот старик? И так много. Друг упрекает его в хвастовстве, в отсутствии благочестия, но вроде как отпускает. Потом они прощаются, старик надевает

халат, который уже не так просторен после того, как
он бросил курить. На ночном столике почти полный
пузырек прозака. Он купил его пару месяцев назад,
но почти сразу перестал принимать таблетки.
Они оказались бесполезны. Вряд ли есть что-то
бесполезней их. Господи, он не может даже рассказать
другу (по телефону) о своем люмбаго и не выслушать
в ответ лекцию. Ладно, по крайней мере, дантист
не отругал его, когда он вернулся к нему на прошлой
неделе. После двухлетнего отсутствия, с гниющим ртом,
запах которого никто (дантист, ассистент, да и он сам)
не смог вынести, когда начали выскабливать костную
ткань. Его дантист тоже старик. «Давай займемся этим», —
только и сказал он. Старик завязывает халат и включает
весь свет в квартире (чтобы его снова не ограбили).
Он запирает дверь и едет в зону боевых действий,
потом паркуется во дворе дзендо (это на самом деле
не совсем молельня). Эвника здесь. Она здесь уже
двадцать пять лет. «В моем возрасте», – слышу
ее голос. Что-то о том, как легко она простужается
сейчас. Койо тоже здесь. Не помню его христианское
имя. Пальцы его правой руки опухли от кошачьих укусов.
Инфицировались. Он возится с благовониями. Эвника
чихает и кашляет. Полицейский
вертолет заглушает пение. Здесь холодно. Нас

только трое. Пух вылезает из

подушки, так же, как сок вытекает из этого

рассказа, и я больше не злюсь на тебя,

Стив. Более того, старый дружище, ты

прав. В этом есть смысл.

1985

Мнимая турбулентность

Перевод В. Нугатова

Ты последняя

кто так на меня посмотрел

Когда это было?

Где-то между 11 сентября и цунами

Ты взглянула на мой пояс

и я тоже опустил взгляд на пояс

ты права

неплохой

и мы разошлись по своим делам.

Не знаю, как у тебя

но у меня все на редкость спокойно

несмотря на мнимую турбулентность

судебных тяжб и преклонного возраста

Просмотр канала Nature

Перевод А. Сен-Сенькова

Божья скука

это душераздирающая

скрипка скрипка скрипка

Тварь

Перевод М. Немцова

той твари, что говорит

«я», «мое» и «мне»

не стоит клониться в стыде —

вместе с озерами и горами

эго уже сотворено

и священно вполне

Индианка

Перевод М. Немцова

Ты ждешь. Ты ждал всегда. Ничего нового. Ты ждал, когда б ни хотел чего-то, и ждал, когда чайник пел канарейке, и индианка втайне дала тебе любви, прежде чем погибнуть в дорожной аварии. Ты ждал, чтобы твоя жена стала мила, ты ждал, чтобы тело твое похудело и обросло мышцами, и девушка из Индии в своей квартире на Макей-стрит, она сказала: Леонард, ты ждал меня весь день, особенно когда мы слушали канарейку на кухне у твоей жены, вот тогда-то тебя и догнало по-настоящему, мы втроем стоим перед клеткой, чайник свистит, а наши большие надежды на канарейку, на песню, что изымет нас троих, вознеся из дня, из этой зимы – вот тогда-то ожидание и стало тебе чересчур, тогда-то я и поняла, как глубоко и безлико ты желал меня, и вот тогда-то я решила пригласить тебя в свои объятия. Предположим, она произнесла это себе. И потом я отвез ее домой, и она пригласила меня подняться к ней в квартиру, и не сопротивлялась моему глубокому безликому расположенью к ее смуглой неведомой персоне, и увидела она, до чего общо, до чего безразлично, до чего неуклонно безлико было томленье этого мужчины по ней, – и отвела меня на зеленую тахту из Армии спасения, среди студенческой мебели, она приняла меня, потому что через две недели погибнет в автокатастрофе на Лорентийской трассе, она меня приняла в одно из последних своих объятий, потому что видела, до чего просто будет меня утешить, и я был так благодарен считаться среди ее последних щедрот на этой земле. И я вернулся к своей жене, к моей юной жене, к той, кто никогда не оттает, кто никогда не принесет мне детей, кто будет ненавидеть меня не по одной веской причине, так по другой все дни своей жизни, кто будет знать пару моих друзей чуточку чересчур хорошо. Мы стояли, втроем, слушая дуэт канарейки и чайника, пар туманил стекла нашей кухни на Эспланаде, и монреальская зима отключала все, кроме сердца надежды. Марой звали ее, и она приходила к нам в гости, потому что мы в те дни ходили в гости, ездили сквозь снегопад, чтобы познакомиться с кем-нибудь новым.

1980

Мэри благодатная

Перевод М. Немцова

Из душа ты выходишь

Прохладна и чиста

Цветком благоухаешь

Степная красота

Юдоль пылает, Мэри

Безвидна и пуста

Люблю, когда смеешься ты

Мир отступает прочь

Живу, пока смеешься ты

Молитвам не помочь

Но мир сейчас вернется

И воцарится ночь

Встань со мною, Мэри

Сякнет вода моя

Она не как вода сейчас —

Горька и грязная

Постой со мною, Мэри

Благодатная

Пора нам расставаться

Слились минуты в ил

Сейчас меня оставишь ты

Мне бой часов не мил

Душа моя – оружие

Я голову склонил

Постой со мною, Мэри

Сякнет вода моя

Зверь истекает кровью

Цветы горчат, но я

Стою с тобою, Мэри

Благодатная

«Лос-Анджелес таймс»

Перевод М. Немцова

Эту «Лос-Анджелес таймс»

прочитает

мужчина по имена Карло.

Он умрет, перенося жену

(у нее отказали ноги)

в туалет.

Я буду сидеть под солнцем

и писать о них.

Умрет мой пес,

мой хомяк, моя черепаха,

моя белая крыса, моя тропическая рыбка,

моя марокканская белка.

Умрут мои мать и отец,

а также мои друзья Роберт и Дерек,

Шейла умрет

в новой жизни без меня.

Умрет мой школьный учитель,

мистер Уэринг.

Умрет Фрэнк Скотт,

оставив после себя больше свободы в Канаде.

Умрет Гленн Гульд

в зените славы.

Умрет Маршалл Маклюэн,

изменив пару значений.

Умрет Милтон Эйкорн,

вскоре после того как затушит сигару

о мой ковер.

Умрет Лестер Б. Пирсон

в уинстончерчиллевской бабочке.

Умрет Блисс Кармэн

а потом я узнаю о его одиночестве.

Умрет Группа Семерых,

прославив несколько мест,

где я стоял лагерем,

разбивал палатку

и потрошил рыбу,

любуясь Энн из Карлайла.

Мой зять,

самый известный из Часто летающих,

умрет Верным сыном Закона,

оставив моей сестре два миллиона миль.

Неважно,

что все они умерли

задолго до моих предсказаний.

История закроет глаза

на мелкие глюки во временной последовательности

и наоборот

сосредоточится

на моих неустанных заботах

о чисто канадских делах.

Терраса медучреждения, 15 ноября 1999

Хочешь дать сдачи, но никак

Перевод М. Немцова

Хочешь дать сдачи, но никак

И хочешь помочь, но никак

И ружье не стреляет

И не взрывается динамит

И ветер дует куда не надо

И никто тебя не слышит

И повсюду смерть

И ты все равно мрешь

И ты устал воевать

И не можешь объяснять еще раз

Не можешь больше объяснять

И застрял за своим домом

Как старый ржавый пикап

Какому больше не перетащить ни груза

И ты не живешь свою жизнь

Ты чью-то жизнь живешь

Кого-то незнакомого, неприятного

И скоро она завершится

И поздно начинать все сызнова

Вооружившись тем, что знаешь теперь

И все твои дурацкие подаянья

Вооружили бедноту против тебя

И ты не тот, кем хотел быть

Даже близко не он или она

Как мне отсюда выбраться

Из пакости нечистоты

Не омыться, не освободиться

Замаран сплетнями и известностью

Ты устал и все в прошлом

Ты не можешь уже

Вот к чему эта песня

Вот к чему эта тишь на душе

И ты не можешь уже объяснять

И не можешь вгрызаться

Потому что гладь – как сталь

А все твои тонкие чувства

Твои изысканные прозренья

Твое знаменитое понимание

Испаряются до поразительной

(Для тебя) неуместности

Не помню, когда я это написал, задолго до 11 сентября

Когда ты просыпаешься

Перевод А. Сен-Сенькова

Когда ты просыпаешься в панике
и у тюльпанов от Ральфа
почти получилось,
почему бы тебе не сменить воду
и не подрезать стебли,
может найти вазу немного выше
и помочь им стоять прямо?
Когда ты просыпаешься в панике
и дьявол почти заставил тебя
броситься со скал религии,
почему бы тебе не лечь спокойно
перед жестокими движениями
повседневной жизни
и не снять сливки с некоторых деталей?

13 декабря 1993 года

Когда желание успокаивается

Перевод А. Сен-Сенькова

Ты знаешь, что я смотрю на тебя,

знаешь, о чем думаю,

знаешь свои интересы.

Я умею так,

что забудешь о моей старости,

если только не захочешь о ней помнить,

если только не захочешь увидеть,

что происходит с желанием,

когда оно освобождается

чтобы занятие любовью стало бесстыдным

для каждой женщины

и ее чулочков

Что желание успокаивается

можно увидеть по двум людям

вдалеке, на зеленом одеяле

(возможно это не одеяло, а мох);

два человека машут издалека,

растягиваясь как вещи,

которые нужно просушить

нежными улыбками на

маленьких круглых лицах;

машут рядом с желанием,

что покоится впереди,

горообразное, спокойное,

преданное, как собака, сделанная из слез.

Что грядет 16.02.03

Перевод В. Нугатова

что грядет

десять миллионов человек

на улице

не остановить

что грядет

Американские вооруженные силы

не могут контролировать

Президента

Соединенных Штатов

и его советников

не могут затевать

инициировать

командовать

или управлять

все

что ты делаешь

и от чего уклоняешься

приведет нас

в одно и то же место

которого мы не знаем

твоя злость на войну

твой страх смерти

твои спокойные стратегии

твои смелые планы

урегулировать

ближний восток

свергнуть власть доллара

установить

4-й Рейх

жить вечно

заткнуть евреев

повелевать космосом

привести в порядок свою жизнь

улучшить религию

ничего не стоят

ты не понимаешь

последствий

того что творишь

ох, и еще одно

тебе не понравится

то что наступит потом

Америка

Что я делаю?

Перевод А. Сен-Сенькова

Это не то, что я люблю

жить в отеле

в таком месте, как Индия,

писать о Б-ге

и бегать за женщинами.

Кажется, именно это

я и делаю.

Школьные деньки

Перевод В. Нугатова

Я возглавлял школу

был головой школы

Джон был руками

Пегги очком

а Дженнифер пальцами на ногах.

Я был без ума от очка.

Ну и видок у меня был

в полосатом футбольном свитере

и хоккейной рубашке с треугольным вырезом.

Не зря Пегги была

под моим влиянием.

До самой аварии.

Потом я ее потерял.

Развеваются флаги и колышутся вымпелы.

Для команды гостей все потеряно.

Вот и я сижу на плохом месте,

хмурясь от нашей победы.

Не могу оторвать глаз

От подпрыгивающей юбчонки.

Я – о чирлидерше

По имени Пегги.

Сорок семь лет назад.

Это прошлое.

Никогда не думаю о Прошлом,

но иногда

Прошлое думает обо мне

и так легко-легко

садится на лицо —

Мы с Пегги,

и Джон, и Дженнифер,

шарфы на ветру,

мы мчимся

в семейном родстере

к кому-то домой

в Нантакет,

и я снова могу ходить.

Цветы ненавидят нас

Перевод А. Сен-Сенькова

цветы ненавидят нас

животные молятся о нашей смерти

как только я узнал об этом

убил свою собаку

теперь я знаю что они задумали

ромашка ирис роза

почему не было мира между людьми

почему ничего не работает

и нет пути назад

выбросьте букет вашего друга

убейте всех животных

но не ешьте их мясо

теперь я знаю о чем они думают.

их половые органы в воздухе

их вонючий мех

и звериный инстинкт в сердце

что они сделают с нами если победят

как здорово будет без них

мы просто заживем своими короткими жизнями

которые длиннее чем у них

но грустно

что цветы ненавидят нас

что животные молятся чтобы мы умерли

как только я узнал об этом

убил свою собаку

Они ненавидят нас

Они молятся чтобы мы умерли

Проснись Америка

Убей свою собаку

Не по-библейски

Перевод М. Немцова

Надеялся сбежать

Но вынужден отстать

И лучше мне сказать

По-свойски

Я трус был до сих пор

И слышал приговор

Не должен быть задор

Геройским

А кто-то по шоссе

Летит в своей красе

И несмотря на все

Довески

Они счастливей нас

Б-г любит их сейчас

И могут они красть

Злодейски

Пусть тоже я грешил

Но милосерден был

Поэтому, как в милой

Пьеске

Ошибку совершил

И змея не убил

Чтоб он подольше жил

Не по-библейски

Не как в Писании

Перевод Шаши Мартыновой

Все думал – убегу

Но вот ведь: не могу

Без всякого скажу

Старания

Я не бывал готов

И промысел суров

Не я других голов

Румянее

Есть те кто все успел

Их тарантас летел

Мутны, но не предел

Доверия

Их пусти в калашный ряд

Пусть же все на них глядят

Дети господа галдят

Поганые

Ты слыхал про то небось

Я урвал, а им далось

Я-то весь прогнил насквозь

Но с состраданием

Ошибку совершил

И змея не убил

Ссудил ему не как

В Писании

Зима на Лысой горе

Перевод М. Немцова

На Лысой горе зима

Монахи сгребают снег

Врата без ворот распахнуты[6 - «Врата без ворот» (также «Застава без ворот») – сборник из 48 коанов, составленный и прокомментированный китайским мастером чань Умэнем Хуйкаем (1183–1260).]

Но туда не идет человек

Тут холодно, мрачно, опасно

И скользко, как голая ложь

Никому не хочется быть здесь

Лучше ляжешь и просто умрешь

Тут несварение у всех

От этих трапез грубых

Бесценный кал былых времен

Застыл в замерзших трубах

На Лысой горе зима

Монахи сгребают снег

Врата без ворот распахнуты

Но туда не идет человек

Не стоит твердить об изъянах

Забудь о своей чистоте

Коль хочешь взобраться на Лысую гору

Сперва свои цепи надень

Тут холодно, мрачно, опасно

И скользко, как голая ложь

Кому же хочется быть здесь

Лучше ляжешь и просто умрешь

Какие тебе Гималаи

Какая тибетская тень

Коль хочешь взобраться на Лысую гору

Сперва свои цепи надень

21 августа 2015 года

Не важно

Перевод В. Нугатова

это не важно, родная,

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Пер. Шаши Мартыновой. – Здесь и далее примечания переводчиков.

2

Пер. Шаши Мартыновой.

3

Энрике Моренте (1942–2010) – испанский певец, исполнитель канте фламенко.

4

Мортон Розенгартен (р. 1933) – канадский скульптор, вместе с Л. Коэном открывший в Монреале «Четырехгрошовую галерею».

5

Кёдзан Дзёсю Сасаки (1907–2014) – японский учитель (роси) дзенской школы риндзай-сю, основатель и настоятель центра дзен на Лысой горе (Mount Baldy Zen Center) в Калифорнии.

6

«Врата без ворот» (также «Застава без ворот») – сборник из 48 коанов, составленный и прокомментированный китайским мастером чань Умэнем Хуйкаем (1183–1260).

Купить: https://tellnovel.com/koen_leonard/plamya

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити